
О. С. Северцева

Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН

В конце двадцатых годов усилились нападки на деятельность Государственной академии художественных наук, которые привели к ее директивному закрытию.

В протоколах допросов бывших членов Академии 1935—40-х годов есть высказывания, характеризующие положение дел в ГАХН в последний период ее существования. При чтении этих текстов необходимо учитывать «редакцию НКВД» и навязанные арестованным формулировки.

Из протокола допроса А.Г.Габричевского от 27 апреля 1935 года:

«В период работы участников нашей группы в ГАХН с 1926—1930 гг. мы под лозунгом “За чистую науку” вели активную борьбу с марксизмом как с интернациональным учением. Да собственно это не была борьба, а мы легально вели к. рев. работу, потому что бороться с нами было некому. Вице-президентом в Академии был Шпет Г.Г., являвшийся политическим лидером нашей к.р. деятельности. Петровский М.А., Ярхо Б.И. и я, Габричевский, работали на ведущих участках в Академии и таким образом она по существу нами была захвачена. Это давало нам полную свободу действий. Наша к. р. работа в Академии Х.Н. привела к тому, что ее ликвидировали в 1930 г. как несоветское учреждение» [1].

Из протокола допроса А.Г.Габричевского от 21 марта 1942 года (во время третьего ареста):

«Второй период с 1922—1929 гг. наша группа вела организованную антисоветскую деятельность в ГАХН. В течение всего это-

го периода нами в организации тематики и содержании целого ряда работ Академии сознательно и систематически проводились в жизнь антимарксистские, идеалистические установки, в истинности и жизненности таковых участники группы в то время не сомневались; лично я считал, что марксизм есть не более как орудие агитации, лишенное всякой познавательной и научной ценности» [2].

Из протокола допроса М.А.Петровского 29 марта 1935 года:

«Наша контр-революционная группа руководимая Шпетом, вице-президентом ГАХН, так расставила свои силы, что ГАХН по существу был захвачен нами и являлся базой контрреволюционно настроенной интеллигенции. Все участники нашей группы заведовали каким-либо сектором в ГАХН. Я был заведующим секцией теоретической поэтики. В это период мы устно и печатно открыто вели борьбу с марксистским влиянием и протаскивали в печать статьи, мобилизовавшие на открытую борьбу с марксизмом в науке. В частности, Ярхо в своей статье «О методологии литературоведения» в журнале «Искусство», говоря о методах исследования литературы, отвергал марксистский метод и доказывал его непригодность. Мы открыто выступали на докладах против марксистского метода в искусствоведении и литературоведении. Активность нашей к.р. деятельности вызвала чистку ГАХН и ее ликвидацию» [1].

На допросе 1935 года Габричевский сказал:

«Мы делали то, что считали нужным» [1].

Из протокола допроса М.А.Петровского:

«Всех нас, получивших первоклассное образование, связывало чувство превосходства над большевиками, посягавшими на культуру, хранителями которой мы себя считали» [1].

После разгона ГАХН Шпет и его бывшие коллеги остались без работы. Единственным источником существования для большинства стали переводы. Много переводил и Шпет, поддерживавший связи с издательством Academia.

Из допроса М.А.Петровского:

«С момента ликвидации ГАХН — начало второго периода нашей деятельности. После ликвидации ГАХН наша к.р. деятельность не прекратилась. При встречах на квартирах у меня, Габричевского и Ярхо мы обсуждали мероприятия партии и правительства в к.р. духе. Мы использовали в к.р. целях издательство Academia, “Литературное наследство” и Большой немецко-русский словарь под руководством Е.А.Мейер. В издательстве Academia нашей группе удалось захватить власть в свои руки, основные участки ее издательской деятельности, и это дало нам возможность материальной поддержки попавших в беду близких нам людей. Нам удалось организовать помощь политическим ссыльным Шапошникову, Дурюлину, Яковлеву и другим» [1].

В 1929 году возник замысел издать к юбилею Гете первое в России многотомное собрание его сочинений. Редакцию возглавили Каменев и Луначарский. К работе были привлечены многие бывшие сотрудники ГАХН. Составление первых двух томов было поручено Габричевскому, который возглавлял в академии комиссию по Гете. Весной 1929 года Габричевский написал Волошину:

«Самое отрадное явление — большое 18-томное издание Гете, заказанное Госиздатом, который привлек и меня в число других редакторов. Мне, Сереже Ш.<Шервинскому> и Боре Ярхо поручена лирика, которую мы хотим дать в новых переводах. Задача трудная и увлекательная. По-видимому, удастся привлечь Вячеслава. Какая досада, что ты не переводишь с немецкого. Правда, до сих пор мы все еще пока заседаем, и даже как-то не верится, что Госиздат осилит такую грандиозную машину. Если все пойдет благополучно, мои финансовые дела поправятся, и я начну думать о лете. Сейчас так плохо, что даже не представляю себе, как выехать из Москвы» [3, с.172].

В начале 1930-х годов Г.Г.Шпет, А.Г.Габричевский, Б.И.Ярхо, М.А.Петровский, Д.С.Усов, А.Г.Челпанов и ряд других бывших сотрудников ГАХН работали над составлением немецко-русского словаря, вышедшего в издательстве «Советская энциклопедия» [4]. Редактором словаря была Е.Мейер.

Тем временем в стране начинается планомерное уничтожение интеллигенции и культуры. В 1932—1934 годах прокатилась волна арестов по «делу Академии наук». Не успели затихнуть слухи об арестах, как НКВД в связи с политическими событиями в Германии сфабриковало «Дело по обвинению немецко-фашистской контр-революционной организации на территории СССР», (Н 9276). В конце 1934 года начались аресты людей с немецкими фамилиями и тех, кто по роду занятий был связан с немецким языком. Хочу привести выписку из 29-томного дела Н 9276:

«Секретно-политическим отделом ГУГБ вскрыта и ликвидирована немецкая фашистская организация, созданная сотрудниками германских миссий в СССР. Ячейки организации выявлены в Москве, Ленинграде, Саратове, Ярославле и Крыму.

Организация в основном объединяла контр-революционные группы немцев (граждан СССР) — преподавателей высших и средних учебных заведений, учащихся вузов и техникумов, литературных работников, редакций иностранных словарей и издательств.

В состав организации входила также группа фашистов (из русских) — литературоведов и искусствоведов, связанная с закондонным центром русской фашистской партии с б. князем Трубецким» [1].

Всего по делу проходило 140 человек. Списки жертв составлялись, по всей видимости, по «личным делам», хранившимся в отделах кадров учреждений.

Среди арестованных были преподаватели кафедр немецкого языка МГУ и Института новых языков, группа немецкого словаря издательства «Советская энциклопедия», сотрудники Библиотеки иностранной литературы, издательства «Academia» и многие другие. Во главе организации поставили Елизавету Мейер, которая идеально подходила для этой роли. Немка по происхождению, дочь пастора, Мейер окончила Лейпцигский университет, преподавала в Институте новых языков, возглавляла группу составителей немецкого словаря в издательстве «Советская энциклопедия». Практически все составители «фашизированного», как он называется в следственных делах, словаря были арестованы. Мейер поддерживала отношения с известным славистом Максом Фасмером, на основании чего ее обвинили также в шпионской деятельности.

Участие в составлении словаря было вменено в вину Шпету, Габричевскому, Петровскому, Ярхо, Челпанову-младшему. В стенограмме допроса Челпанова от 27 апреля 1935 года приведены такие слова Габричевского:

«Изданный под руководством Мейер Большой немецко-русский словарь (в издании которого принимали участие и мы) является контрреволюционно-фашистским. В нем выброшена марксистская терминология, отражающая борьбу и быт пролетариата, стерто всякое понятие о классах и классовой борьбе» [1].

Шпета, Петровского и Ярхо забрали в ночь с 14 на 15 марта 1935 года. На первом же допросе все трое сразу назвали имя Габричевского, который не вошел в список арестованных по делу о немецко-фашистской контрреволюционной организации, поскольку, в отличие от них, он не был в то время сотрудником издательства «Советская энциклопедия» и каких-либо учебных заведений, а работал сотрудником Академии архитектуры. В этом нет ничего удивительного и предосудительного, поскольку следователи первым делом устанавливали круг общения и социальные связи арестованных. Руководителем сформированной ячейки, куда поначалу был включен также Дмитрий Усов, определили Петровского, у которого при обыске была обнаружена книга евразийца Николая Трубецкого «К проблеме русского самопознания». Сначала он отрицал все обвинения, но на одном из допросов был вынужден признать свою причастность к фашистской организации.

Из протокола допроса М.А.Петровского от 29 марта 1935 года:

«Впервые я познакомился с кн. С.Трубецким ныне белоэмигрантом будучи гимназистом. Мы вместе брали уроки живописи у художника Поленова в 1905—1906 гг. Затем мы стали друзьями с момента учебы в университете МГУ на историко-филологическом ф-те. Эта дружба проводимая личными связями продолжалась почти до эмиграции его приблизительно в 1917 г.

Вопрос.

Уточните Ваш ответ к чему сводились политические взгляды участников Вашей к.р. группы?

Ответ.

Участники к.р. группы считали, что Советская власть неустойчива, что население СССР, в том числе и интеллигенция, в большинстве

своем настроена в отношении Советской власти враждебно, что Советская власть держится только благодаря введенному ею беспремерному в истории жесточайшему террору, что метод террора власть направила в первую очередь против интеллигенции» [1].

Показания Петровского, Ярхо и Шпета дали следственным органам возможность обвинить их также в создании фашистской организации в ГАХН (тогда как Академия прекратила свое существование еще в 1930 году). После этого Усова перевели в другую ячейку данного большого дела, а его место занял сотрудник в Академии Габричевский. Во главе этой группы научных работников следователи поставили Шпета, поскольку он занимал в ГАХН пост вице-президента.

Из допросов Габричевского становится понятно, в чем состояла «антисоветская деятельность» группы. Из протокола допроса от 27 апреля 1935 года:

«Встречаясь на квартирах у меня, Петровского и Ярхо, мы вели беседы на политические темы, в которых обсуждались в контрреволюционном духе мероприятия советской власти, дискредитировалось советское строительство. В этих беседах также высказывались националистические взгляды. В частности Петровский, стоящий на позициях русского национализма, ставил вопрос о том, что на русской интеллигенции лежит задача отстоять русскую самобытную культуру от «варварского» разрушения ее большевизмом. Этот вопрос особенно остро дебатировался в период слома и сноса Сухаревской башни, Китайгородской стены и других исторических памятников» [1].

Шпет держался на допросах не так, как его «подельники». Если в показаниях остальных членов «группы научных работников» чувствуются растерянность, обреченность, то Шпет явно собран и всеми силами противится обвинениям. Он с самого начала выбрал оборонительную тактику и придерживался ее на протяжении всего следствия. В протоколе допроса от 17 марта 1935 года читаем:

«Признаю, что я как бывший вице-президент ликвидированной ГАХН не обнаруживал с достаточной ясностью своей политической физиономии и давал повод Петровскому и др. лицам, исходящим из неправильного представления о моей философской позиции рассматривать меня как враждебно относящегося к советской власти, как контр-революционно настроенного человека и группи-

роваться вокруг меня в расчете на то, что я могу возглавить и руководить их враждебной Советской власти деятельностью» [1].

И далее:

«Я на допросе 9 мая с. г. заявил, что не могу опровергать показаний Петровского и Габричевского. Заявляю это и сейчас, так как Петровский и Габричевский имеют основания считать меня своим руководителем. Я заявлял следствию также и о том, что давал повод участникам к. р. группы считать меня своим руководителем. Показания Петровского и Габричевского убеждают меня в том, что они считали меня своим руководителем, но я себя руководителем к.р. группы не осознавал» [1].

Механика следствия и способ составления текстов показаний становятся понятны из письма в КГБ П.Д.Барановского, который был арестован по делу славистов в 1934 году:

«На следующем этапе допросов характеристике общения и критических высказываний в беседах с товарищами по работе было дано Альтманом (следователем. — О.С.) такое истолкование, что, с точки зрения советской политики сегодняшнего дня, эти единые мысли группы специалистов, объединенной одинаковыми идеями, и есть та самая политическая группировка, уловлением которой занимаются органы НКВД. Иное понимание этого есть только следствие политической незрелости. ...В доказательство неопровержимости такого построения приводились, между прочим, такие аргументы, что для члена к. р. организации совсем нет никакой необходимости быть где-то зарегистрированным, знать ее конкретное оформление, ее задачи, руководство, состав членов и т.п. Достаточно иметь только близость, сочувствие или понимание родственных идей и интересов, хотя бы только в области своей специальности, на базе которых может вырасти и протест политический. Поэтому в задачи НКВД входит разыскивать, предупреждать в самом зарождении и уничтожать подобные группировки.....

Используя такое ненормальное психическое состояние, Альтман немедленно предложил переписать или перевести написанное мною, как он трактовал, с обывательской формы на форму политического языка под его диктовку. Об этом страшно вспоминать. Во всем этом уже нельзя искать даже следов здравого смысла, это было только последствие длительной многомесячной моральной пытки, искусного обмана в состоянии вымученного безумия» [5].

1 июля 1935 года следствие по делу было завершено:

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила Мейер Елизавету Александровну, Челпанова Александра Георгиевича, Дик Абрама Петровича к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего им имущества» [1].

В те годы было еще принято извещать родных о приведении в исполнение высшей меры наказания, а не сообщать о «10 годах без права переписки». А.Г.Челпанов был расстрелян 5 декабря 1935 года. На семейном совете было решено ничего не говорить отцу, Георгию Ивановичу, который скончался в начале следующего года, так и не узнав о гибели сына.

Большинство других осужденных получили сроки от трех до пяти лет и были отправлены в лагеря. Многие были сосланы, причем НКВД проследил за тем, чтобы осужденные были распределены по разным лагерям и местам ссылки. Ярхо был приговорен к трем годам ИТЛ, но благодаря хлопотам его брата Григория, сумевшего достать медицинские справки о состоянии здоровья Бориса Исааковича (при содействии известного врача В.Д.Шервинского), лагерь заменили трехлетней ссылкой в Омск. После отбытия срока он два года прожил в Александрове, а затем с большим трудом устроился преподавать в Курский педагогический институт. Когда началась война, органы приказали Ярхо эвакуироваться вместе с институтом в г. Сарапул. Из письма родственникам от 16 марта 1942 года:

«...Зачем нам Самарканд? Зачем нам библиотеки? Разве нам еще надо учиться? Я вот — один из образованнейших людей в Союзе, а ничего, кроме горя, от этого не вижу... Вчера я справил седьмую годовщину своих скитаний. Пора отдохнуть на земле или в могиле...»

Из письма от 28 марта 1942 года:

«...В жалком теле — жалкая душа... О чем мне, в самом деле, еще осталось мечтать после крушения всей жизни, после неудачи во всех начинаниях, после разрушения физического организма? Только немножко покоя! Немного тепла физического и морального. Вот зачем я обращаюсь к вам, дорогие мои... Пожалейте меня, как я вас жалею. — Боря» [6].

3 мая 1942 года Б.И.Ярхо умер от туберкулеза.

М.А.Петровский был сослан в Томск на пять лет. В 1937 году его вновь арестовали и через несколько дней расстреляли.

Г.Г.Шпет был сослан в Енисейск, но родным удалось выхлопотать его перевод в университетский город Томск, где он встретился с Петровским. В 1937 году он был вторично арестован и, как стало известно впоследствии, расстрелян 16 ноября 1937 года. И Шпет, и Петровский стали жертвой усердия начальника местного НКВД, впоследствии также расстрелянного за превышение власти.

Наиболее благополучно сложилась судьба у А.Г.Габричевского, что впоследствии некоторые вменяли ему в вину. По приговору он был на три года лишен права жить в режимных городах и сослан в Каширу. Мягкость приговора объясняется хлопотами академиков архитектуры Щусева, Веснина и Жолтовского, которые тогда имели определенный вес в верхах. Во время войны его опять арестовали и сослали в город Каменск-Уральский. В конце 1940-х годов он был вынужден в очередной раз прекратить работу в связи с кампанией против космополитизма. Габричевский умер в Коктебеле в 1968 г.

Советская власть не только уничтожила науку и физически истребила интеллигенцию. НКВД удалось разрушить дружеские отношения и доверие между людьми. После допросов и навязанных им компрометирующих показаний бывшие друзья и коллеги старались избегать друг друга, винули во всем себя и других. Сейчас это кажется странным, но тогда мало кто из репрессированных понимал, что все они, независимо от того, чьи имена назвали во время допросов, были обречены, что любое их слово НКВД использовал в своих целях.

Источники

1. Министерство государственной безопасности СССР. Центральный архив. Общий следственный фонд. Дело по обвинению: немецко-фашистская организация на территории СССР 1935 г. Следственные материалы. Арх. № Н9276.

2. Народный комиссариат внутренних дел. Управление НКВД Московской области. Дело № 3473 по обвинению Габричевского Александра Георгиевича, новый № 16103. 1941 г.

3. Александр Георгиевич Габричевский. К 100-летию со дня рождения. М.: ГТГ, 1992. С.170.
4. Большой немецко-русский словарь / Под ред. Е.А.Мейер. М.: ОГИЗ, 1934. Т. 1.
5. Письмо в Комитет Госбезопасности от Барановского Петра Дмитриевича // Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело славистов: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С.215—216.
6. РГАЛИ ф. 2186 оп.1, ед.хр.174.